

обыкновенный фашизм

Итак, выборы прошли, результаты считают. На данный момент подсчитано уже достаточно, чтобы говорить о тенденциях. И для этого не надо быть политологом. Сюрприз этих выборов — прорыв „Свободы“. Так сказать, дождалась. Не очень вменяемые националисты в украинском парламенте были всегда. Это не секрет, не сюрприз, просто часть украинской действительности. Теперь появляется целая фракция. Что тоже, честно говоря, трудно считать сюрпризом. „Свобода“ наращивала обороты давно, и у рулей там, несмотря на националистическую невменяемость, стоят люди неглупые и наглые. Единственный, пожалуй, сюрприз состоит в том, что политическая сила,

жает людей? Неопределенность. Пренебрежение к человеческому достоинству. Многие «свободовцы», кстати, — это дети 90-х годов, росшие без ориентиров, в полуголодное неуютное время. Они искали ответы на вопросы и так их нашли. Все просто: власть — антиукраинская, нужна украинская. Власть унижает людей. Те, кто это делает, должны быть наказаны. Это звучит просто и эффективно. Может быть, люди и не верят до конца, что «эти» могут что-то изменить. Но они другие, они хотя бы пытаются, они не связаны напрямую с олигархами, они не «партия власти».

Еще в 1994 году избиратели спрашивали у меня, кто им даст автоматы. Находятся избиратели,

побеждала дружба, и побеждало добро, и где незнакомые люди помогали друг другу. Но вспомним: страна потерпела поражение в первой мировой войне, перенесла унижение, оказалась в «изгоях», вынуждена была платить репарации. Кризис ударил по Германии еще сильнее, чем по другим странам. Кроме того, элита оказалась ни на что не способной, не могла решить ни экономические проблемы, ни социальные. Несмотря на «республику», по-прежнему кто-то с рождения имел право на все, а кому-то полагалась дырка от бублика. По-прежнему власть, несмотря на демократическую риторику, решает свои проблемы, не очень глядя, что там «внизу». Коррупция процветала. Гитлер был

танавливается на достигнутом), что «попасть» можно было совсем уже просто так.

У моего коллеги фамилия Гилзул, его род имеет корни где-то во Франции, но очень давно жил в Кенигсберге. Так вот, мой коллега рассказывал, что у его деда были проблемы, поскольку кто-то заподозрил семью в недостаточности «арийском» происхождении. А еще, они не хотели воевать! Совершенно. Вот первая мировая война вызвала подъем патриотизма во всех воевавших странах. Люди шли добровольцами на фронт. А вторую мировую войну не хотел никто. Немцы тоже. Да, они хотели вернуть отобранное Версалем. И считали, что судетские немцы должны быть в Германии. Вместе с судетами. И не только

не может представлять такую опасность, как в свое время Германия. Но это ничего не значит. Государство, зараженное фашистской идеологией, не может не искать врагов, как внутри, так и снаружи. И этими врагами будут сегодня олигархи (кстати, не все — не надо верить тому, что говорят с экранов: полные бессребреники просто не имели бы денег на избирательную кампанию, — а только «чужие»), завтра — «неукраинские элементы», послезавтра — «неправильные украинцы» (господа, а вы точно уверены, что уж вы-то — «правильные»?). Потом, возможно, начнутся неприятности с соседями. Ну и там всякие мелочи, с отказом в выдаче загранпаспортов, введением визового режима по периметру, закрытием границ, увольнением с ра-

предсказуемую Украину, хоть со стороны России, хоть со стороны Евросоюза? Лучшее, что может случиться — это три ряда колючей проволоки по периметру не только изнутри, но и снаружи. А худшее — ликвидация ставшего опасным проекта под названием «незалежна Украина». И если европейские демократии допустили Югославский сценарий, то почему этого не может быть в Украине. Там тоже воевать никто не хотел. Через лет сорок кто-то, может, и будет ругаться по поводу нового «пакта Молотова-Риббентропа», но это будет, что называется, уже не при нас. А теперь еще один вопрос: почему «верхи» ничего не предприняли для того, чтобы разъяснить людям эти просты вещи? Хотя бы из чувства самосохранения? И простой ответ: а потому, что верхи заняты своими делами. Они думают, что все подвла-

Что вы! У нас это невозможно!

считавшаяся региональной, впервые заявила о себе так мощно на всеукраинском уровне. Хотя и это было ожидаемо. Не десять процентов, так семь. Для этого тоже пять западноукраинских областей недостаточно. Что же происходит на Украине вообще?

Ничего особенного. На Украине уже 20 лет ничего особенного не происходит. Богатые богатеют и выясняют отношения между собой. Прочие выживают. Страна болтается, не делая никакого стратегического выбора, отучившись различать добро и зло, ложь и правду. Неумение делать выбор — это, впрочем, вообще отличительная черта украинской элиты. На выборах что-то говорится. Потом все остается как есть. Время от времени пытаются искать нечто объединяющее страну. Как правило, вполне аморфное. Вроде Евро.

Евро провели хорошо. Кто бы сомневался. Но Украина — не Германия, где ЧМ-2006 имел смысл и был реально полезен. Потому что немцам, в общем и в целом имеющим моральную „точку опоры“, жизненно важно было именно почувствовать восхищение и одобрение гостей, почувствовать себя щедрыми и благородными, иметь возможность развесить на машинах и окнах немецкие флаги, не опасаясь более упреков в нацистских настроениях. Украине, конечно, важен был благожелательный отклик извне, но куда важнее для нее „разобраться внутри“.

Что более всего раздра-

которые это спрашиваю на каждых выборах. И с каждым разом таких все больше. Ибо достали. И наконец нашелся кто-то, кто им это пообещал. Пусть не напрямую. Ведь это просто, разобраться и наказать. Причем, самое неприятное, националистическая риторика уже не отпугивает. Отчасти из-за полного безразличия к произносимым словам и нежелания различать правду и ложь, отчасти — из-за двадцатилетнего заигрывания власти с национализмом.

Кроме того, очень снизилась планка. Не только моральная, но и образовательная. На дворе — время полубразованных, которые гораздо хуже, чем необразованные. Они не знают и не хотят знать.

В этой атмосфере может появиться что угодно.

И появляется.

К тому же, люди уже не очень боятся слова «фашизм». Твердую руку — хотят. Наведет порядок. А вот «фашизм», это только слова, войны-то не будет, да и потом... мы и фашизм? Несовместимо!

К сожалению, совместно все. Немцы 30-х годов ничем не отличались от нас. Они не были ни более глупыми, ни более злыми, ни более жестокими. Они смеялись над тем же, что и сейчас: скажем, над пенкой о кактусе на балконе, который колет всех нехороших людей (песенка шуточная, но и тогда, и сейчас исполняется хором, обязательно в парадных сюртуках и с очень серьезными лицами). У них были любимые хорошие книги, где

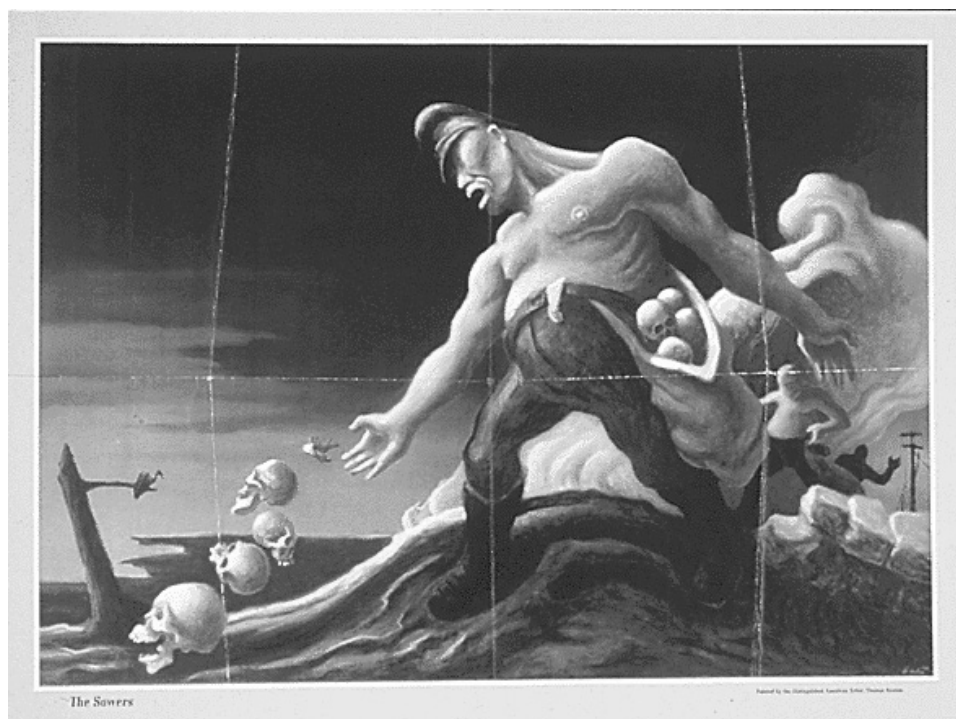
не единственным в своем роде. В политике появлялись и другие националистические течения. Гитлер был не единственным в своем роде, но он оказался более радикальным. Так зачем голосовать за клон, если есть оригинал?

Людам точно так же надоело болтаться в вакууме, им надоело ни на что не способный коррумпированный политик, им надоели социальные перегородки, через которые фиг пробьешься. Им хотелось, чтобы их страну начали наконец уважать. И их тоже.

Похоже?

Надо сказать, вначале казалось, что это работает. Ну да, преследовали евреев, сажали коммунистов. Но большинство, как ни странно, почувствовало себя лучше. Такое вот ощущение братства, когда наконец нет никаких барьеров, и все просто немцы, независимо от происхождения и положения в обществе. Такое вот ощущение, что власть тебя понимает. Мне попалось письмо к Гитлеру: молодой подмастерье просил у фюрера деньги, он хотел жениться и открыть свое дело. Простые, нормальные желания нормальных людей.

Это теперь мы знаем, что на самом деле нацистов изначально финансировали олигархи, поэтому и репрессировали они вполне выборочно, «чужих» в пользу «своих» — это называлось «ариизацией» предприятия; что «под раздачу» потом попали не только коммунисты и евреи, но и социал-демократы, и католики (тот, кто начинает искать врага, не ос-

они. Но думали, что это вернут так. Ведь оно наше по праву. И по началу так и было. Без войны. Но остановиться уже было невозможно: военная машина была заведена, экономика работала только на войну («заставляли уважать страну», а промышленники получали нехилые госзаказы — кстати, именно поэтому Германия легче перенесла кризис второй половины 30-х годов). А экономика, работающая на войну, в конце концов производит войну. Пришлось платить по счетам.

Иногда я думаю, что случилось в конце концов с тем подмастерьем, который получил материальную помощь от Гитлера.

— Но мы-то причем? Мы-то воевать не будем!

Нет... или да... не знаю. Вообще-то по своему потенциалу Украина просто

боты, особенно из государственных учреждений, по подозрению в нелояльности, репрессии против «неправильного бизнеса», просто с целью его отобрать и отдать «правильным людям»... а что тут невозможного? Наконец расправы с непослушными территориями, такими как Крым, не согласными лишиться своей автономии. Грузины, после победы революции роз и прихода к власти Сакашвили, тоже не собирались воевать. А вот нате.

Украина, разумеется, не в состоянии поставить на уши весь мир, как это однажды удалось Гитлеру. Но создать неприятности для соседей и ад для собственных граждан, на это потенциала хватит у кого угодно.

Хотя, конечно, сейчас другое время. Тогда в Европе и демократий-то было раздв и обчелся. И союзники у Гитлера нашлись. А кто сейчас будет терпеть не-

стно технологиям и деньгам, что все под контролем. Они... «слишком далеки от народа», да?

Возможно, прохождение „Свободы“ — это для тех, наверху, последний шанс понять, что идеология нужна. И пропаганда нужна. Не меньше, чем водопровод-канализация-работа-зарплата. (Хотя последнее тоже нужно.) Шанс понять, что невозможно быть всем хорошими, вечно притуплять острые края, болтаться между всем и всеми, гладить по головке (или просто не замечать) людей, решать в кулуарах исключительно свои дела и вечно надеяться на деньги, технологии и авось.

А также, это последний шанс разъяснить, «а что в этом плохого, если придут фашисты».

Но шанс этот, как и все шансы — обоюдоострый.

Елена Геллер, Германия Дортмунд. Специально для Славянских новостей.